

## ИДЕИ Ф. БЭКОНА В КАНТОВСКОЙ ЭТИКОТЕОЛОГИИ

**Кантовская этикотеология при возникновении испытала на себе влияние теоретических построений различных европейских философов. Среди них заметная роль принадлежит британским мыслителям. Теологические искания английских Любомудров, начиная от Ф. Бэкона и заканчивая Д. Юмом, помогли создать кенигсбергскому просветителю в ходе религиозного строительства в 60-х годах XVIII столетия оригинальную философско-теологическую концепцию. Опираясь на высказанные ими идеи, прежде всего идеи Ф. Бэкона, И. Кант предложил миру религию в пределах только разума.**

**Ключевые слова:** этикотеология, религия, наука, Бог, секуляризация, познание Верховного Существа, Священная Книга.

Крушение средневековой парадигмы общественного сознания, начавшееся на Британских островах в XVI столетии, происходило волнообразно. Революционные периоды подъема сменялись откатом назад, возвращением к прежним ценностям, правда, уже в новых одеждах. Так католичество, испытавшее на себе королевскую «милость», освободило дорогу англиканской церкви. В свою очередь англиканство, попав в горнило кромвелевской власти, уступило бразды правления культовыми отправлениями протестантизму, затем вновь возродилось к жизни и т. д. Все это предопределило появление в британском обществе разнообразных философско-теологических концепций. Каждый крупный английский философ предлагал, как правило, собственную интерпретацию религиозных явлений, возникающих в процессе духовного производства. Каждый ратовал за преобразование специфических элементов структуры этой священной отрасли. Между тем в одном все мыслители были едины: прежнее абсолютное господство религиозных догм в общественном сознании страны сохранять дальше уже невозможно. Ареал их влияния и способ применения нуждаются в глубоких изменениях. Настало время лишить социальный институт церкви ореола святости и былой неприкосновенности, поскольку их сохранение только сдерживает дальнейший прогресс и процветание родного отечества. Собственно такие же задачи предстояло решить кенигсбергскому просветителю в ходе своего религиозного строительства в 60-х годах XVIII столетия. Достижения английских Любомудров оказались здесь как нельзя кстати. Они существенно помогли не-

мецкому философу в создании самобытной конструкции религии в пределах только разума.

У истоков реформирования британской религиозной духовности стоял замечательный английский философ Фрэнсис Бэкон. Философско-теологическая концепция этого корифея мысли произвела крутые перемены в боговдохновенных истинах. Схоластический поиск Бога в трансцендентном, потустороннем мире, бесчисленные доказательства Его существования и величия, по мнению Ф. Бэкона, являются пустой тратой сил и времени. Такие искания совершенно бесплодны, так как прямое познание Бога недоступно для смертных. Постичь Вседержителя мы можем только косвенно, через Его деяния, подвергая тщательному исследованию природу и гражданское общество. Верховный Зодчий, заявляет Ф. Бэкон, «дал нам две книги: книгу Писания, в которой раскрывается воля божья, а затем – книгу природы, раскрывающую его могущество. Из этих двух книг вторая является как бы ключом к первой, не только подготавливая наш разум к восприятию на основе общих законов мышления и речи истинного смысла Писания, но и главным образом развивая дальше нашу веру, заставляя нас обратиться к серьезному размышлению о божественном всемогуществе, знаки которого четко запечатлены на камне его творений» [1. С. 122].

Этот, казалось бы, невинный поворот в путях обоснования Божьего присутствия в мире, на котором настаивал британский мыслитель, стал в реальности весьма примечательным и неординарным событием. В нем в свернутом виде таились все последующие революционные преобразования духовной сферы традицион-

го феодального общества. По сути дела, он оказался поворотным пунктом в философской интерпретации сакральных явлений. Как раз с него началось победное шествие идеалов разума, пришедших на смену схоластическим воззрениям и непререкаемым догматам церкви. Причем на поверхности все выглядело вполне благопристойно и заманчиво для священнослужителей. Вместо бессодержательных и трансцендентных суждений схоластов предлагались очевидные и объективные знания, подкрепленные опытом и экспериментом. Они были призваны подтвердить и усилить Божьи веления, весьма пошатнувшиеся в глазах верующих на закате средневековых отношений. К тому же основатель английской буржуазной философии не выказывал никаких, даже скрытых, намерений поколебать истины Священного Писания. В его разноплановых и многочисленных трудах на присутствие подобных замыслов нет даже элементарного намека. Всю свою жизнь знаменитый философ оставался верующим человеком, убежденным христианином.

Это гораздо позднее Б. Спиноза в своем *Tractatus theologico-politicus* сформулировал основные принципы и задачи критического толкования Священной Книги. Как известно, выдающийся голландец выдвинул требование: при анализе содержания Библии обязательно учитывать социальную принадлежность автора тех или иных библейских положений, выявлять причины, с какой целью он их вводил, а также какое они имели значение в политической жизни страны данной эпохи. Реальный парадокс: сам Б. Спиноза какого-либо конкретного, критически направленного исследования теологических истин после себя не оставил. Что ему помешало – нам неизвестно. Однако его пожелания не растворились в массе религиозно-философских концепций того времени. Они были восприняты и претворены в жизнь последующими теоретиками. В конечном итоге критическое произведение все же появилось на свет, положив начало научной интерпретации идеологических основ христианской церкви. Католический священник Р. Симон, детально изучивший сохранившиеся религиозные рукописи и документы, дал самый первый образец научной филологической критики библейских текстов. В своем трактате, сразу же попавшем в индекс запрещенных церковью философских работ, этот гениальный сочи-

нитель обратился к письменному наследию Моисея, как главной фигуры Ветхого Завета. Рассматривая имеющиеся в его распоряжении архивные материалы, Р. Симон со всей убедительностью показал, что Моисей предложил евреям только законы и заповеди, а все остальное содержание Пятикнижия было домыслено и дополнено последующими пророками и переписчиками Библии. Причем нередко они искажали суть первоначальных пророчеств. В результате в Божьих посланиях совершенно незаконно утвердились несоответствия в датах, противоречивые суждения, алогизмы и даже ошибки.

Со временем, несмотря на церковные запреты, поток развенчания религиозной идеологии чрезвычайно усилился, захватив в свою орбиту и евангельские стихи и притчи. Мыслители России тоже оказались сопричастны к этому общемировому процессу, особенно Л.Н. Толстой. Осуществленный им перевод четырех Евангелий на русский язык, опирающийся на человеческое разумение, содержал земной, естественный вариант трактовки библейских установлений. Вот как, к примеру, писатель характеризовал евангельскую фигуру И. Христа. «Мало того, – пишет русский мыслитель, – Мф. XVI, 20, он после того, как одобрил Петра за то, что тот признал его Христом в смысле сына Бога жизни, – он запрещает ученикам говорить, что он, Иисус, есть Христос. Он Христос в том смысле, что он учением о сыновности возвестил истинное благо. Но, как Иисус, он не Христос и запрещает ученикам говорить это кощунство. Поразительно недоразумение, – подчеркивает Л. Н. Толстой, – об учении Христа, начавшееся при его жизни, приведшее его на виселицу и продолжающееся до сих пор. Основа учения Христа есть учение о сыновности человека Богу, то, что сказано в беседе с Никодимом» [2. С. 623–624]. Разумеется, такое изображение И. Христа в корне отличалось от богословских рассуждений. Больше того, оно было им прямо противоположно и, несомненно, способствовало разрушению средневекового религиозного догматизма.

По сравнению с этой когортой реформаторов богословской доктрины Ф. Бэкон не имел столь смертельных грехов и был очень далек, как я уже говорил выше, от критики священных истин. По-видимому, английский философ так до конца и не осознал, что, переориентировавшись

в познании Бога, он выпустил из закупоренного сосуда злостного джинна, изрядно подпортившего любезные его сердцу протестантские верования. Ф. Бэкон свято верил в библейские заветы и относился к Священному Писанию с большим уважением и трепетом. Он постоянно подчеркивал незыблемость в веках и явное превосходство религиозных образов над всеми другими идеальными продуктами человеческой деятельности. Британский философ был искренне убежден, что люди смогут установить действующую связь с Верховным Вседержителем. Причем единственную возможность узреть свет Творца (но ни в коем случае Его самого; это смертным не дано) он усматривает в изучении реальных божественных творений. Другие пути, с его точки зрения, малопродуктивны. «То, что Бог существует, – пишет Ф. Бэкон, – что Он управляет миром, что Он всемогущ, что Он мудр и знает все наперед, что Он добр, что Он воздает всем по заслугам и наказывает виновных, что Он заслуживает поклонения, можно доказать лишь с помощью его творений; эти же творения могут раскрыть нам и многие удивительные тайны Его атрибутов и еще в значительно большей степени – тайны Его мудрого управления Вселенной» [1. С. 204–205].

Итак, чтобы достойно выполнить поставленную перед человечеством столь трудную и великую задачу – постичь свет Всевышнего, необходимо проникнуть в тайны Божьих творений. А для этого существует, согласно Ф. Бэкону, только одно надежное средство. Творческим людям надлежит по-новому подойти к науке, совершенно незаслуженно преданной забвению. Ведь именно наука изучает природные и социальные явления, вызванные Богом к жизни, лишь она в состоянии раскрыть замыслы Творца и продемонстрировать его всеисие. Научные понятия, суждения, открытия призваны расширить еще дальше область христианской веры и укрепить социальные позиции института религии. Опираясь на них, церковь обязательно сохранит свою власть над сознанием людей, а теология получит дополнительные максимы своего первенства среди других форм духовного самовыражения.

Можно с полной уверенностью сказать, что в докритический период своего творчества И. Кант находился под обаянием бэконовских утверждений. Освобождаясь из плена религиозных догм, начинающий немецкий философ

придерживается примерно такой же идейной платформы, что и его английский предшественник. Он тоже искренне убежден, что любое научное изыскание должно подтверждать деяния Божьи. И для него природа и ее законы являются творением Верховного Создателя, полем, где сокрыты следы Его могущества. Вслед за Ф. Бэконом немецкий философ утверждает, что именно развивающаяся наука призвана открыть и поведать их миру. В этом ее действительное предназначение. Идеи подобного рода он высказывает уже в предисловии к своему первому крупному сочинению «Всеобщая естественная история и теория неба». А чтобы развеять какие-либо сомнения в собственной приверженности к религиозным ценностям, немецкий мыслитель заявляет, что отнюдь не ставит себе в предлагаемой вниманию читателей работе каких бы то ни было еретических, вольнодумных целей. «Я решился на это начинание, – пишет И. Кант, – лишь убедившись, что оно не противоречит требованиям религии. Усердие мое удвоилось, когда я увидел, как с каждым шагом все больше и больше рассеивается туман, в сумраке которого, казалось, таятся чудовища, и как после их исчезновения величие Всевышнего воссияло ярчайшим светом» [3. С. 117].

Думается, вряд ли нужны еще какие-либо аргументы, чтобы отсюда заключить, что кенигсбергский философ, по сути, солидарен со своим британским коллегой. Впрочем, одно обстоятельство, по-видимому, не стоит сбрасывать со счетов. Оно касается непосредственного знакомства И. Канта с трудами Ф. Бэкона. Сближая взгляды этих мыслителей, мы совершенно не вправе насильственно исправлять историю и игнорировать одну из важнейших закономерностей духовной жизни. Напротив, всегда нужно иметь в виду, что исторический процесс взаимодействия идейных концепций не бывает лежащим на поверхности и однолинейным. У него, как правило, есть свои изгибы и отклонения. Так и здесь, несмотря на очевидное совпадение религиозных пристрастий обоих теоретиков, мы не можем быть полностью уверены в том, что великий критик уже в ранний период своего творчества был близко знаком с печатной продукцией Ф. Бэкона. По крайней мере, прямых подтверждений данного факта в произведениях, написанных И. Кантом в эти годы, у нас нет. В статьях и монографиях немецкого философа отсутствуют какие-либо ссылки на работы

автора «Великого восстановления наук». И только в зрелом возрасте в «Критике чистого разума» (в эпиграфе к этому бессмертному творению) И. Кант впервые приводит цитату из главного бэконовского сочинения. Совсем не исключено поэтому, что непосредственного и тесного контакта двух великих мужей на начальной стадии кантовских религиозных исканий действительно еще не было. А встретился И. Кант с Ф. Бэконом в это время опосредованно, заочно, через труды других английских любознательных, развивших идеи знаменитого лорд-канцлера в своих философских концепциях.

Опосредованная, заочная встреча этих двух гигантов философской мысли, по всей вероятности, произошла благодаря тому, что мировоззренческие установки Ф. Бэкона получили на родине в кругах творческой интеллигенции широкое признание и поддержку. К примеру, их довольно активно проводил в жизнь крупнейший английский ученый – И. Ньютон. У него наблюдается приблизительно такое же преклонение перед Священным Писанием и почти такое же понимание связи религии и науки, которое было характерно для Ф. Бэкона. И с его точки зрения, религия задает мерилу проводимым научным исследованиям, а наука в своих результатах послушно обслуживает ее бытие. Как указывает академик А.Н. Крылов, именно эта парадигма стала главным философским кредо выдающегося английского физика. Данное заключение, отмечает русский ученый, вовсе не плод моей разгулявшейся фантазии. Об этом же, собственно, повествует его соотечественник Маклорен в своем «Отчете о философских открытиях Ньютона». Вскрывая идейную направленность ньютоновской натуральной философии, Маклорен пишет: «Но натуральная философия подчинена и высшего рода целям и должна главным образом цениться потому, что она полагает подлинное основание естественной религии и нравственной философии, приводя удовлетворительным образом к познанию Творца и Вседержителя вселенной» [4. С. 449]. А поскольку имя И. Ньютона буквально не сходит со страниц первых кантовских книг, постольку не будет большой ошибкой сказать, что заочное знакомство с творчеством Ф. Бэкона как раз и произошло через работы гениального творца естественной механической картины мира. Пожалуй, такая гипотеза больше согласуется с исторической действительностью.

Безусловно, о полном совпадении религиозных представлений молодого И. Канта со взглядами его английских предтеч не может быть и речи. Все-таки их разделяет достаточно большой промежуток времени, составляющий в отношении к Ф. Бэкону даже более столетия. Конечно, это не могло не отразиться на кантовском понимании религии и науки. Несмотря на поклоны в сторону святых культовых реликвий, немецкий философ явно симпатизирует научным воззрениям. Симпатии были вызваны тем, что в период XVIII века, когда происходило превращение И. Канта в общепризнанного европейского философа, упования теологов на приобретение еще одной твердой опоры христианской веры обернулись пирровой победой. Перевод стрелок с небесных чертогов на земные природные нивы оказался не столь простым и однозначным, как замышлялся его авторами и вдохновителями. Дело в том, что научные открытия, которые были призваны поддержать падающий авторитет веры, носили двойственный характер. С одной стороны, они действительно служили интересам религии, во-оружая ее все новыми и новыми фактами науки, свидетельствующими о Божьих заслугах при сотворении мира. Однако, с другой стороны, в это же самое время научные данные подрывали и умаляли действенность традиционных средств, мистики и чудес, составляющих базовое основание религиозных убеждений.

Двойственность, присущая научным знаниям, способствовала тому, что с расширением их объема циркулирующие в общественном сознании сверхъестественные и запредельные догмы все больше и больше оттеснялись на периферию. Будучи прежде первичными, теперь они превращались во вторичные, пригодные для распространения лишь в необразованных слоях населения. Церковная практика использования магии и чудес с каждым новым шагом научного прогресса стала утрачивать свои позиции и, как шагреневая кожа, неуклонно сокращаться. Образно говоря, средневековая власть тьмы разомкнула свои железные оковы, стягивающие живое тело науки. Научные представления о земной ойкумене, прежде закованные в цепи, оказались на свободе. Однако все это было бы еще полбеды. Самое неприятное для теологов заключалось в другом. В человеческом социуме вдруг обнаружилось то, о чем богословы абсо-

лютно не подозревали и что поставило под сомнение божественные постулаты. Духовный ребенок, который родился от неравного брака социальных институтов религии и науки, в одночасье гигантски вырос, серьезно повзрослел и властно предъявил свои права. В результате обычные, сложившиеся годами отношения между этими институтами чрезвычайно осложнились. Возникла уникальная, весьма тревожная для церкви ситуация, когда продукты научного поиска по своему общественному значению уравнились или, в отдельных случаях, даже стали превосходить богословские установления.

Быстрый рост научных знаний, изменение их роли и веса в обществе сопровождалось далекоидущими последствиями. Обратной стороной этих прогрессирующих процессов явилась качественная трансформация идейной составляющей культовых отправлений. Гранитный пьедестал, на котором она длительное время возвышалась над людьми и их разумом, начал постепенно разрушаться. Божественные образы, дотоле ярко сиявшие на недоступном небосклоне, неожиданно стали меркнуть и расплываться в глазах существенной части верующих прозелитов. Осенение себя крестным знаменем, многочисленные посты и разговения, ежедневное посещение церкви и другие культовые церемонии утратили прежнее постоянство и обязательность, особенно для образованных классов. В обыденной жизни на смену им пришли светские занятия: различного рода игры, разнообразные массовые зрелища, туристические путешествия по свету. Вдобавок ко всему церковные проповедники, постоянно твердившие о незыблемости религиозных институтов, не смогли подтвердить это на практике и фактически расписались в собственном бессилии. Реальное бытие священных учреждений четко зафиксировало несостоятельность подобных заверений. Небесные сооружения, казавшиеся прежде монолитными и непоколебимыми, нередко стали расчленяться, дробиться или рассыпаться на мелкие секты, а их устроители вступать в кровопролитные и жестокие сражения друг с другом, причем на одной и той же территории, при жизни одного поколения. Как ни старались церковные иерархи, но ни одна из существующих ветвей христианства не сохранила в неприкосновенности провозглашаемые атрибуты святости и вечности. История религиозных

катаклизмов в Англии во времена Ф. Бэкона наглядно продемонстрировала релятивистский характер христианских верований.

Поистине невиданные прежде метаморфозы произошли в повседневном социальном облике науки. Продукция научной деятельности и все другие значимые компоненты природного и социального бытия восстали из праха и, подобно божественным персонам, превратились в носителей абсолютного и вечного. Часть философов, основавших свои доктрины преимущественно на фактах науки, предъявила претензии на обладание безусловными истинами. Нарастающий вихрь перемен, сметая на своем пути богословские препоны, прорвался за ограду духовной сферы. В движение пришли казавшиеся незыблемыми материальные ценности христианской культуры. Без пышной помпезности и треска барабанов в странах Европы множилось научные храмы, мало в чем уступающие церковным сооружениям. В этом легко могли убедиться не только специалисты-градостроители, но и простые горожане. Эйфелева башня науки вознеслась до небывалых высот, которые превзошли собор Святого Петра религии. На смену дряхлеющей вере в Бога настойчиво стучалась новая вера, вера в научный прогресс. Не спрашивая разрешения у церковных епископов и прелатов, она проникала в умы ученых и образованной элиты.

Было бы ошибочно утверждать, что молодой И. Кант, вступивший на стезю философских рассуждений, являлся ревностным приверженцем нарождающейся новой веры. Прусский просветитель на первой ступени творческих исканий еще не освободился из богословских объятий. Он не отказался полностью от пие-тических верований, которым следовали его родители, и не порвал окончательно с окружавшей его с детства религиозной общиной. И. Кант, если можно так выразиться, находился на распутье: между Сциллой религии и Харибдой науки. Однако корабль, который он вел между грозными общественными рифами, направлялся в гавань научного мировоззрения. Строго следуя избранному курсу, гранд немецкой философии постепенно подруливал к берегу, где царили взгляды о том, что наука все- сильна и вполне самостоятельно может постичь глубины объективного мира. Ответы философа на вопросы о старении Земли, о при-

чинах смены дня и ночи, о происхождении планет Солнечной системы и т. д. – очевидное свидетельство его неуклонного продвижения к новой пристани. Они явно противоречат тем догматическим декларациям, которые вместо научных понятий обычно извлекались на свет из первой главы Священной Книги. Несомненно, юный И. Кант, предлагая ученому сообществу собственные объяснения небесных явлений, заботливо поливал грядку сторонников только что народившейся разновидности человеческих верований. А его неподдельный интерес к изучению мироздания с завидным постоянством и настойчивостью подталкивал будущего критика к идеалам научной картины мира.

Все это явственно прорывается через внешнюю оболочку кантовских теоретических по-

строений в его первоначальных философских произведениях. Солидаризируясь со своими британскими предшественниками в вопросе религиозного предназначения данной науки, кенигсбергский творец не идеализирует, подобно им, содержание святых воззрений. У него отсутствует тот непомерный пиетет к библейским догмам, который характерен для Ф. Бэкона. Можно даже сказать, что И. Кант прощается с философско-теологическим дуализмом английского первопроходца, который наряду с признанием права на бытие за научными знаниями одновременно подчеркивал исключительное превосходство и совершенство божественных догматов. В трудах прусского философа при анализе природных явлений четко видна тенденция к замене устаревших мифологических образов естественнонаучными фактами.

29.03.2011

---

**Список литературы:**

1. Бэкон Ф. О достоинстве и приумножении наук // Бэкон. Ф. Соч. В 2-х т. М., 1977. Т. 1.
2. Толстой Л. Н. Соединение и перевод четырех Евангелий // Толстой Л. Н. Полн. собр. соч. М., 1957. Т. 24.
3. Кант И. Всеобщая естественная история и теория неба // Кант И. Собр. соч. В 6-ти т. М., 1963. Т. 1.
4. Крылов А. Н. Предисловие // Ньютон И. Математические начала натуральной философии. Петроград, 1916. Кн. 3.

Сведения об авторе: **Шмелев Валерий Дмитриевич**, заведующий кафедрой истории и социально-политических дисциплин Уральского государственного лесотехнического университета, доктор философских наук, профессор  
620100, г. Екатеринбург, ул. Сибирский тракт, 37, тел. 83433739877, e-mail: chmelev-vd@mail.ru

**UDC 165.731:2**

**Shmelev V.D.**

The Ural state timber university, e-mail: chmelev-vd@mail.ru

**IDEAS OF FRANCIS BACON IN THE KANT'S ETIQUOTHEOLOGY**

Kant's etiquotheology at its origin has been influenced with the theoretical constructs of the various European philosophers. Among them a prominent role belongs to the British thinkers. Theological dialing of British Wisdom, starting with Francis Bacon and ending with D. Hume, helped to create original philosophical and theological concept to Koenigsberg educator in a religious building at the 60s of the XVIII century. Based on the ideas expressed by them, especially the ideas of Francis Bacon, Immanuel Kant suggested religion to the world within just a reason.

Key words: etiquotheology, religion, science, God, Secularization, learning the Supreme Being, the Holy Book.

**Bibliography:**

1. Bacon Ф. About advantage and augmentation of sciences//Bacon. F.Soch. In 2 т. М, 1977. Т. 1.
2. Thick L.N.Soedinenie and transfer of four Gospel//Tolstoy L.N.Poln. собр. соч. М. 1957. Т. 24.
3. An edging And. General natural history and the sky theory//I.Sobr's Edging. соч. In 6 т. М. 1963. Т. 1.
4. Krylov A.N.Predislovie//Newton I. the mathematical beginnings natu-rainoj philosophies. Petrograd. 1916. Кн. 3.